

# ПРЫЖОК ЗА БОРТ

## ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

*Уверенность моя крепнет  
с того момента, когда дру-  
гая душа разделит ее.*

Новалис

Когда я выпустил этот роман отдельной книгой, критики написали, что я вышел за рамки задуманного. Кое-кто из них утверждал, будто я начал новеллу, а затем она так разрослась, что уже не подчинялась мне. Они напоминали: повествовательная форма имеет свои законы, и ни один человек не может говорить слишком долго, а другие — долго его слушать.

Около шестнадцати лет я раздумывал над этим суждением, и, признаться, не согласен с ним. Нередко люди — в тропиках и в умеренном климате — просиживали ночи напролет, рассказывая друг другу невероятные истории. Здесь перед нами лишь одна из них, но повествователь говорит с перерывами, что позволяет слушателям отдыхать; к слову сказать, история эта интересная. Не будь она таковой, я никогда не стал бы ее писать. Что же касается читательской выносливости, замечу: парламентские ораторы произносят свои речи по шесть часов подряд, и публика их слушает, тогда как рассказ моего героя Марлоу можно прочесть вслух менее чем за три часа. Ну а помимо всего прочего, представим, что в тот вечер подавались прохладительные напитки, помогавшие и рассказчику, и слушателям довести историю до конца.

Я задумал написать рассказ, темой которого выбрал эпизод с паломническим судном. Таков был первоначальный план. Написав несколько строчек, я остался недоволен и на время отложил работу. Я не вынимал рукопись из ящика стола, пока мистер Уильям Блэквуд, ныне покойный, не предложил мне дать что-нибудь в его журнал. Вот тогда-то мне показалось, что эпизод с судном «Патна» нужно развернуть в повесть. Те немногие страницы, что лежали у меня в ящике, повлияли на выбор темы, но все остальное я написал заново.

Мне задавали вопрос, не является ли эта книга самой любимой из всех мной написанных. Я ненавижу фаворитизм и в общественной, и в частной жизни; столь же враждебен он мне и тогда, когда речь идет об отношении автора к своим произведениям. Фаворитов я не хочу иметь принципиально, однако не стану отрицать, что мне нравится, когда хвалят историю про моего Джима. Тут не обошлось без курьезов...

Один мой друг вернулся из Италии, где беседовал с дамой, которой эта книга не понравилась. Конечно, я расстроился, но больше всего меня поразила причина такой неприязни. «Вы знаете, — сказала дама, — все это как-то болезненно». Такая оценка навела меня на некоторые размышления. Похоже, моя читательница не являлась итальянкой, я даже сомневаюсь в том, была ли она жительницей континента. Во всяком случае, ни один европеец не счел бы болезненной ту остроту, с которой человек реагирует на утрату чести. Подобная реакция либо ошибочна, либо правильна; быть может, ее сочтут искусственной и осудят; наверное, мой Джим как тип встречается не очень часто, но я заверяю читателей, что он — не плод извращенной фантазии. Однажды солнечным утром в будничной обстановке одного из восточных портов я видел, как он прошел мимо, умоляющий, выразительный, безмолвный, в тени облака. Таким он и должен быть. И со всем сочувствием, на какое я способен, я должен найти нужные слова, чтобы рассказать о нем. Он был одним из нас...

Джозеф Конрад

Июнь, 1917 год

## ГЛАВА I

### Тщеславие — это суетно

Ростом он был, пожалуй, на один-два дюйма меньше шести футов, крепко сложен; слегка сгорбившись, он шел прямо на вас, опустив голову и пристально глядя исподлобья, что вызывало в воображении образ быка, бросающегося в атаку. Голос у него был глубокий и громкий, а держал он себя так, как будто упрямо добивался признания своих прав. Однако в этом не было ничего враждебного. Казалось, эта настойчивость обуславливалась необходимостью и, по-видимому, относилась и к нему самому, и ко всем окружающим. Одет он был всегда безупречно, с ног до головы в белом и пользовался большой популярностью в различных восточных портах, где служил клерком в фирмах, снабжавших суда морской утварью.

От морского клерка не требуют никаких дипломов, но он должен обладать деловой сноровкой. Его обязанности заключаются в том, чтобы в лодке или на катере обгонять конкурентов, первым подплыть к судну, готовому бросить якорь, и приветствовать капитана, вручая ему проспект своей фирмы, а когда капитан сойдет на берег, нужно уверенно направить его к большой, похожей на пещеру лавке. Там можно найти все, чтобы украсить судно и сделать его пригодным к плаванию, начиная с крюков для цепей и заканчивая листовым золотом для украшения кормы.

Торговец встречает капитана, которого никогда прежде не видел, как своего родного брата. Он ведет его в прохладную гостиную с креслами, бутылками, сигарами, письменными принадлежностями и копией торговых правил. Радужный прием растапливает соль, за три месяца плавания накопившуюся в сердце моряка. Знакомство поддерживается благодаря ежедневным визитам морского клерка, до тех пор пока судно остается в порту. К капитану клерк относится, словно верный друг и внимательный сын, проявляет терпение Иова и держит себя веселым и добрым малым. Счет посылают позже. Какое

прекрасное и добропорядочное занятие! Вот почему хорошие морские клерки встречаются редко.

Если расторопный клерк вдобавок знаком с морем, хозяин платит ему приличные деньги и делает кое-какие поблажки. Джим всегда получал неплохое жалование и пользовался такими привилегиями, какие завоевали бы верность врага. Тем не менее, с черной неблагодарностью он внезапно бросал службу и уезжал. Неубедительность объяснений, какие он давал своим хозяевам, была очевидной.

— Вот болван, — говорили они, как только он закрывал за собой дверь. — И чего ему не хватало?

Таково было их мнение об его утонченной чувствительности.

Для белых, живших на побережье, и для капитанов судов он был просто Джим. Имелась у него, конечно, и фамилия, но он старался, чтобы ее не знали. Это инкогнито, дырявое, как решето, преследовало целью скрывать не его, Джима, личность, а некий давний факт его биографии. Когда о нем начинали говорить, наш герой тут же покидал порт, где в тот момент находился, и отправлялся в другой — обычно дальше на восток. Он служил в морских портах, ибо был моряком в изгнании, оторванным от моря, и отличался сноровкой, очень удачной для морского клерка. Нередко он отступал туда, где восходит солнце, но судьба мчалась за ним, и некоторые события его жизни получали огласку — случайно, но неизбежно.

Шли годы, и о Джиме узнавали в Бомбее, в Калькутте, Рангуне, Пекине, Батавии — везде как о морском клерке. Впоследствии, когда острое сознание невыносимости своего положения окончательно оторвало его от морских портов и белых людей и увлекло в девственные леса, малайцы поселка, где он скрылся, стали называть его туан Джим, то есть лорд Джим.

Родился он в пасторской семье. Маленькая церковь на холме виднелась, словно мшистая серая скала, сквозь рваную завесу листвы. Столетия стояла она здесь, но деревья вокруг помнят, наверное, как был положен первый камень. Внизу, у подножия холма, мягко отсвечивал красный фасад пасторского дома, окруженного лужайками, цветочными клумбами

и соснами; позади дома находился фруктовый сад, налево — мощный скотный двор, а к кирпичной стене прилепилась покатая стеклянная крыша оранжереи. Здесь семья жила в течение нескольких поколений. Джим был одним из пяти сыновей, и когда, начитавшись во время каникул беллетристики, он обнаружил свое призвание моряка, его немедленно отправили на учебное судно для офицеров торгового флота.

Там он учился тригонометрии и искусству лазить по реям. У него была хорошая успеваемость. По навигации он занимал третье место и состоял гребцом на первом катере. Здоровый, не подверженный головокружению, он ловко взбирался на самые верхушки мачт. Его пост был на формарсе, и с гордостью человека, презирающего все опасности, он часто смотрел оттуда вниз на мирное полчище крыш, перерезанное надвое темными волнами потока; разбросанные по окраинам фабричные трубы, тонкие, как карандаш, и изрыгающие дым, как вулкан, вздымались перпендикулярно грязному небу. Джим видел, как внизу под ним отчаливали большие корабли, непрерывно двигались паромы и шныряли лодки, а вдали мерцали туманный блеск моря и надежда на волнующую жизнь в мире приключений.

На нижней палубе под гул двухсот голосов Джим забывался и в мечтах заранее проживал жизнь на море, о которой знал из книг. То он спасал людей с тонущих судов, то в ураган срубал мачты или с веревкой плыл по волнам, то, потерпев крушение, одиноко бродил босой и полуголый по рифам в поисках съедобных ракушек, чтобы отсрочить голодную смерть. Он сражался с дикарями в тропиках, усмирал бунт, вспыхнувший во время бури, и на маленькой лодке, затерянной в океане, поддерживал мужество в отчаявшихся людях, всегда преданный своему долгу и непоколебимый, как герой из книжки.

Что-то случилось. Все сюда! Он вскочил. Мальчики взбежали по трапам. Сверху доносились крики, топот, и, выбравшись из люка, он, ошеломленный, застыл на месте. Были сумерки зимнего дня. С полудня ветер стал свежеть, движение на реке прекратилось, и теперь он дул с силой урагана; его гул походил на залпы огромных орудий, бьющих через океан. Дождь был